
ЛАТИНСКИЙ СЛЕД В ФАМИЛИЯХ ПЕРСОНАЖЕЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО

И.Н. Исакова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
*Ленинские горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов,
Москва, Россия, 119991*

В творчестве А.Н. Островского есть только две фамилии персонажей, образованные от латинских корней, причем обе они являются семинаристскими. Одна из них *Беневоленский* широко распространена, с одним Беневоленским Островский был знаком, Петр Миронович, видимо, был прототипом героя «Бедной невесты», оба выпускники семинарии, оба чиновники, служащие в суде. Фамилию *Неглицентов* удалось обнаружить только среди псевдонимов. Ею Н.А. Добролюбов подписал одну из ранних своих статей. Неизвестно, знал ли Островский об этой статье, переключек между статьей и пьесой нет. Добролюбов, дважды в своих критических статьях упоминал Неглицентова, очевидно, не воспринимая образ как пародию на себя. Эти фамилии носят персонажи ранних пьес А.Н. Островского («Бедная невеста», 1851, «Воспитанница», 1858), в дальнейшем все фамилии образовывались только от русских слов и чаще всего диалектных.

Ключевые слова: семинаристские фамилии, А.Н. Островский, прототип, «говорящие фамилии», функционирование фамилии в пьесе.

Выбирая фамилии своим персонажам, Островский всегда стремился сделать фамилию семантически значимой. Традиция «говорящих» фамилий уже была не так актуальна во второй половине XIX века, но потребность в семантически значимых антропонимах все равно оставалась. Видимо, это объясняется спецификой драмы: зрителю необходимо составить хотя бы самое общее впечатление о характерах персонажей (и, может быть, о сюжете пьесы) еще до просмотра спектакля — так ему будет легче воспринимать пьесу.

В то же время Островский в той или иной степени ориентировался на реальную антропонимическую норму. Даже те фамилии, которые кажутся искусственными, в действительности представлены в русской ономастике. Например, в Москве и Московской области до сих пор бытуют фамилии *Подхалюзин*, *Юсов*. Фамилии многих персонажей пьес Островского были весьма распространенными в купеческой среде: *Большовы*, *Хорьковы*, *Кабановы*. Часто фамилии образованы от диалектных слов: *Паратов* (от *поратый* — бойкий), *Стыров* (от *стыр* — ось), *Мелузов* (от *мелуза* — крупная мука) и др. Островский с подлинным вниманием относился к живой народной речи, о чем свидетельствуют «Материалы для словаря русского народного языка», причем от 17 диалектных слов, собранных здесь, образованы фамилии персонажей [1]. В этом проявлялась ориентация драматурга на простого зрителя. Однако есть две фамилии, которые очевидно отсылают читателя/зрителя к латинскому языку: *Беневоленский* и *Неглицентов*.

Фамилия *Беневоленский* весьма распространенная в России, ее часто в середине XIX века получали учащиеся семинарий, видимо, за хорошее поведение, ее латинская основа *benevolens* — обладающий доброй волей, фамилию нередко по-

лучали также те учащиеся, которые самостоятельно, а не по воле родителей шли в семинарию. О распространенности фамилии свидетельствуют как архивные материалы [2], так и письмо Чехова Н.А. Лейкину: «Воскресенсков на Руси столько же, сколько в святцах Иванов и среди попов Беневоленских». Более того, с одним Беневоленским Островский был лично знаком, это был чиновник, который ходил в ту же церковь, что и молодой драматург. В исповедальных книгах фигурирует «служащий в Московском суде Коммерческий Секретарь Петр Мионов Беневоленский» [3]. Удалось найти, к сожалению, очень скудную информацию об этом человеке. Он родился в 1824 г., закончил Вифанскую духовную семинарию (где, скорее всего, и получил фамилию) в г. Сергиев Посад в 1846 г., затем в 1850 г. получил степень кандидата в Московской духовной академии, умер в 1875 г. и похоронен на Ваганьковском кладбище.

Скорее всего, Петр Миронович Беневоленский является прототипом персонажа Островского, поскольку между ними есть немало общих черт. Персонаж также является чиновником, как и знакомый Островского, да и названия их должностей перекликаются: коммерческий секретарь (реальный человек, правда, эту должность он мог получить позже, пьеса написана в 1851 г., а запись в исповедальной книге относится к 1857 г., однако должность секретаря самая низкая в суде, так что, скорее всего, Петр Миронович занимал ее в течение всего этого времени) — коллежский секретарь (персонаж). К сожалению, в Табели о рангах не удалось найти должность коммерческого секретаря, но можно предположить, что Петр Миронович служил в так называемом коммерческом суде и занимал довольно низкую должность секретаря. Его литературный двойник, очевидно, гораздо более успешен: его должность относится к X классу. Правда, он лет на 12 старше своего прототипа. Меняя должность, Островский, возможно, стремился быть понятнее зрителю. Сложно сказать, насколько публика могла знать, кто такой коммерческий секретарь, хорошо себе представляла, кто такой коллежский секретарь. Герой, как и его прототип, служит в суде, причем скорее всего по коммерческой части, о чем рассказывает Добротворскому: «Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходила до Правительствующего сената и возвращено для справок...».

Герой Островского говорит, что получил образование «по простонародному выражению, на медные деньги», видимо, так же, как и его прототип. Петр Миронович, очевидно, был среди лучших учеников как в Вифанской гимназии, так и Московской духовной академии (только лучшие студенты оставались на четвертый год для написания диссертации, остальные выпускались после третьего курса) [4], скорее всего, был образованным и культурным человеком, чего нельзя сказать о герое «Бедной невесты». Однако сложно сказать, насколько близки или наоборот противоположны характеры прототипа и персонажа комедии. Был ли Петр Миронович взяточником? Каково был его состояние? Хотел ли жениться по расчету?

Островский сохраняет персонажу фамилию его прототипа, но меняет имя-отчество: Петр Миронович (реальный человек), Максим Дорофеевич (персонаж).

Островский дает имена менее употребительные, но при этом сохраняет структуру антропонима: имя более распространенное, отчество менее распространенное. Кроме того, имя реального человека сложно соотносить с какой-либо социальной средой, отчество указывает на простое происхождение. То же самое можно сказать и об антропониме персонажа: *Максим* представлено среди представителей разной социальной среды, но при этом в XIX веке редко встречается среди дворянства. Отчество *Дорофеевич* однозначно указывает на простую среду (крестьянскую, мещанскую). Еще одна любопытная черта: как имя, так и отчество персонажа на один слог больше (Петр — 1 слог, Максим — 2, Миронович — 4, Дорофеевич — 5); ударение в них смещено на один слог (с 1-го на 2-й и со 2-го на 3-й). Таким образом, с одной стороны, антропоним удлиняется, с другой — ритмическая структура в целом сохраняется. В то же время вместо хорейской структуры, очень редкой в раннем творчестве Островского (до 60-х гг. встречалась только три раза, в поздних пьесах в несколько раз чаще), появляется амфибрахическая, одна из самых широко распространенных у Островского, встречается по несколько раз почти в каждой пьесе, в «Бедной невесте» имена еще двух персонажей представляют собой амфибрахии: *Арина Егоровна*, *Владимир Васильевич*. Заметим, что отчество *Дорофееч* созвучно слову *ерофеич*, т.е. *водка*, к которой так пристрастился герой (это один из сквозных мотивов пьесы).

Фамилии *Негленгентов* не удалось найти в словарях, однако она образована по модели, существовавшей в русской ономастике: от лат. *negligenter* — небрежный, пренебрегающий. Латинские корни очень часто фигурировали в семинарских фамилиях. Существовало несколько словообразовательных моделей, в частности фамилия могла указывать на одно из качеств ученика или же на его успехи/неуспехи в учебе: *Синцеров* (от лат. *sincerus* искренний), *Иллюцев*, *Иллючиев* (от лат. *illuvies* грязный), *Лентовский* (от лат. *lentus* медлительный, вероятно, связана с низкой успеваемостью). В этот ряд вполне может войти и фамилия *Негленгентов*, которая также указывала на низкую успеваемость, а также нежелание учиться. Вообще существовали фамилии, указывающие на хорошую или плохую (гораздо реже) успеваемость учащихся: *Астров* (от лат. *astra* звезда, связана с выражением *per aspera ad astra*), *Капацинский* (от лат. *sarax* способный), *Деплоранский* (от лат. *deplorato* считаться безнадежным).

О том, что фамилия *Негленгентов* могла существовать в языке, свидетельствует один из псевдонимов Добролюбова, которым подписана его небольшая статья «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии», написанная в начале апреля 1853 года для газеты «Нижегородские губернские ведомости». В ней анализируется 11 пословиц. Видимо, начинающий критик хотел подчеркнуть, что статья не может считаться серьезной работой, о чем он сам пишет в конце: «Вот известные нам пословицы и поговорки, какие в ходу насчет Нижнего Новгорода и Арзамаса. Не представляя особенной важности, они, однако, имеют некоторую своего рода занимательность, особенно для местных жителей... Конечно, здесь не все они: поискать, так еще много найдется...» [5; 1; 495]. В то же время каждая пословица анализируется весьма подробно: указывается ее значение,

отмечаются особенности функционирования в речи. «„Один глаз глядит на нас, другой в Арзамас“». Эта поговорка употребляется, кажется, только в Нижнем. Может быть, она ведет начало свое еще от смутного времени, когда в Арзамасе не было единодушия с нижегородцами и когда, может быть, говорили так о людях, которые, находясь с нижегородцами, заботились между тем об интересах Арзамаса... Но нынче пословица эта употребляется в самом обыкновенном смысле. Так говорят ныне о человеке, который смотрит в разные стороны, или — реже, впрочем, — о том, кто не хочет жить на своем месте, а все старается как-нибудь вырваться и отправиться в какое-нибудь другое место, пожалуй — хоть и в Арзамас» [5; 1; 494]. Таким образом, псевдоним Неглигентов не вполне отражает личность автора, его отношение к работе, но, видимо, вписывается в не претендующий на глубину, несерьезный формат газетной статьи. Кроме того, это одна из первых статей будущего известного критика — псевдоним как бы призывает читателей не судить автора слишком строго. У Добролюбова несколько десятков псевдонимов, но Неглигентов среди них уже не встретится.

Сложно сказать, была ли Островскому известна эта статья. Нам не удалось выяснить, где была в итоге опубликована статья (возможно, и в Петербурге). Одна из пословиц, анализируемых Добролюбовым (*Один глаз [глядит] на нас, а другой в Арзамас*) есть в пьесе Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872), однако драматург мог узнать пословицу не обязательно из статьи критика, тем более что с тех пор прошло около 20 лет.

Статья написана в 1853 году, когда Добролюбов учился, пьеса Островского «Воспитанница», одним из героев которой является Неглигентов, опубликована в 1858 году. Очевидных переключек между статьей и пьесой обнаружить не удалось, также не удалось найти связи между Добролюбовым и образом Неглигентова, кроме того, что оба учились в семинарии.

Добролюбов не воспринял образ Неглигентова как пародию на себя. Интересно, что первая статья критика, посвященная творчеству Островского, — рецензия именно на пьесу «Воспитанница» («Современник», № 2 1859), которую он высоко оценил, подчеркнув ее ярко выраженное реалистическое начало по сравнению с пьесами «Бедность не порок» и «Не в свои сани не садись»: «Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером, и ни в одном слове, ни в одном движении действующих лиц мы не заметили вмешательства личности самого автора. С первой до последней сцены — перед нами действительная жизнь, наша русская» [5; 4; 213]. В коротенькой рецензии анализируется фактически только одна сцена — свидание Нади с Леонидом, упомянуты не все персонажи. Тем более важно, что Добролюбов не обошел вниманием и Неглигентова, назвав его «пьяным и совершенно неприличным приказным» [5; 4; 213]. То же самое он повторит и в знаменитой статье «Темное царство» («Современник», № 7, 1859).

Итак, читал ли Островский статью Добролюбова или нет (и если читал, то знал ли, кто скрывается за псевдонимом *Неглигентов*), не так важно. Главное

другое: антропоним *Неглизентов* существовал и был известен Островскому. Если фамилия *Беневоленский* была широко распространенной, то *Неглизентов* — чрезвычайно редкой, что отмечается даже одним из персонажей пьесы: Леонид считает, что фамилия *такая мудреная*.

Фамилии *Беневоленский* и *Неглизентов* по-разному функционируют в пьесах, но в обоих случаях они обыгрываются. В пьесе «Бедная невеста» помимо Беневоленского есть Добротворский, фамилию которого можно рассматривать как своеобразный перевод фамилии *Беневоленский*. Герои соотнесены в пьесе: их связывают приятельские отношения, они довольно образованны, в частности оба производят латинские слова.

Добротворский. <...> Как это говорится-то: репетиция...

Беневоленский. Est mater studiorum. Да, это правда.

Латинское слово в речи Добротворского передано в русской транслитерации, Беневоленский говорит по-латыни, видимо, лучше владеет языком. Однако вся сцена снижена: герои уже выпили по рюмке и хотят продолжить. Показательно, что реплика Беневоленского, начатая с сентенции, заканчивается словом *налей*. Итак, видимо, Беневоленский образован лучше Добротворского, что позволило ему занять более высокое положение в обществе: Добротворский всего лишь стряпчий. Разница в социальном положении не может не отразиться на отношениях героев: Добротворский смотрит на Беневоленского снизу вверх, пытается ему угодить.

Фамилия *Добротворский* не является буквальным переводом фамилии *Беневоленский* (должно было быть *Добровольский*). Островский показывает различие в характерах персонажей и их функциях в сюжете. У Добротворского, пожалуй, самая большая роль в сюжете: он находит жениха Марье Андреевне, устраивает их свидание, делает все, чтобы мать одобрила такой брак, отмечает, что все недостатки Беневоленского несерьезные, хотя в действительности это совсем не так. Также Добротворский дает советы Беневоленскому, как себя вести.

Фамилия *Беневоленский* на первый взгляд кажется говорящей, ее «латинская основа benevolens — “благодарный”» [6; 35]. Беневоленский проявляет благосклонность к Незабудкиным: готов заняться их делами, женится на Маше. Однако перевести слово benevolens можно и как «обладающий доброй волей», т.е. делающий добро, что противоречит характеру персонажа. Беневоленский вовсе не стремится делать добро, он думает исключительно о себе. Он грубо и развязно ведет себя с Машей при первой же встрече с ней, когда вроде бы должен стараться произвести на нее приятное впечатление. Однако герой вовсе не считает нужным скрывать, что относится к браку как к сделке, что ему нужна образованная невеста, обладающая хорошими манерами.

В семинарии считалось, что благая воля может проявляться и в том, что юноша сам, а не по решению родителей, поступил в семинарию, т.е. он готов жить по божественным заповедям. Разумеется, ничего подобного нельзя сказать о герое пьесы. Напротив, он скорее является олицетворением пороков. В пьесе неод-

нократно говорится о пристрастии героя к водке, к веселой, разгульной жизни. В частности, он не стыдится признаться Маше, что ни разу не слушал оперу «Роберт-Дьявол»:

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Таким образом, Островский использует так называемый минус-прием, когда семантика фамилии полностью противоречит характеру персонажа. Вообще драматург нередко дает своим героям имена и фамилии, семантика которых указывает на те положительные качества, которых у героя нет, более того, герой обладает противоположными чертами характера.

В пьесе «Воспитанница» сказано, что Неглигентов поступил в училище (видимо, в семинарию), но не окончил его, так как из-за лени не смог освоить наук, о чем свидетельствует, в частности, семантика его фамилии. Как и Беневоленский, Неглигентов знает латынь, но, вероятно, значительно хуже, поскольку он произносит только отдельные слова, а не фразу целиком, кроме того, латинские слова каждый раз даны в русской транслитерации. В то же время он явно гордится своими познаниями: ведь это позволяет ему ярко выделиться на фоне других. В списке действующих лиц Островский дает ему характеристику *очень грязный молодой человек*, таким образом подчеркивая, что небрежность проявляется и в его внешнем виде. В то же время такая характеристика показывает стремление Островского быть понятным простому зрителю, который не владеет латынью.

И Беневоленский, и Неглигентов часто выпивают. Как говорит о нем Леонид, «теперь пляшет пьяный в саду», более того, в пьесе неоднократно подчеркивается, что герой ведет распутный образ жизни. Таким образом, он грязный не только в буквальном, но и в переносном смысле слова. Беневоленский, конечно, не менее развратен, чем Неглигентов, но все же у него есть желание жениться, он может при необходимости соблюдать правила хорошего тона, чего не в состоянии сделать персонаж «Воспитанницы». Зная о желании Уланбековой женить его на Наде, понимая, что такой брак поможет ему получить должность, деньги, он все равно не может прийти к своей благодетельнице трезвым, из-за чего едва не расстроилась помолвка.

Однако положение в обществе у героев несопоставимое. Если Беневоленский многого добивается в жизни, у него довольно высокий чин, он не знает нужды в деньгах, то Неглигентов находится почти в самом низу социальной лестницы. В обществе он играет роль шута, готов петь и плясать перед Леонидом и Уланбековой, почти всегда без гроша в кармане. Все, даже слуги над ним смеются. Но если Беневоленский не стремится казаться лучше, чем он есть, наоборот, подчеркивает недостаток образования, культуры, то позиция Неглигентова неоднозначная. С одной стороны, он старается пустить пыль в глаза, что выглядит весьма комично.

По словам Гриши, Неглигентов «всем говорит, что он в суде член, а не писарь. Так его членом и зовут». С другой стороны, герой подчеркивает, что плохо учился, не смог освоить наук. Возникает ощущение, что он даже этим гордится.

Любопытно, что персонажи оказываются в сходной ситуации — собираются жениться. При этом оба смотрят на брак как на сделку. Неглигентов вовсе не думает о невесте, зато сразу же просчитывает, на какое повышение по службе он может рассчитывать в дальнейшем. Если Беневоленский сам выбирает невесту, то судьба Неглигентова полностью зависит от Уланбековой. Очевидно, что жены обоих героев будут несчастны в браке. Но если Маша приобретает хотя бы положение в обществе, то Надя, наоборот, опускается еще ниже. Персонажи также одеты по-разному: если Беневоленский следит за своей внешностью, то Неглигентов нет.

Таким образом, оба антропонима являются семантически значимыми, но если семантика фамилии *Беневоленский* противоречит характеру персонажа, то фамилия *Неглигентов* вполне соответствует ему, причем Островский обыгрывает как прямой, так и переносный смысл.

В образах Беневоленского и Неглигентова можно увидеть сатиру на семинаристов, которые, обучаясь в семинарии, не усваивают главное — духовность, нравственную чистоту. Наоборот, они оба, каждый по-своему, карьеристы, ищущие во всем выгоду. Но оба, видимо, гордятся своим образованием, во всяком случае подчеркивают знание латыни, гордятся они и своим положением в обществе. Но если Беневоленский действительно многого добился в жизни, то Неглигентов только старается произвести впечатление значительного человека.

Обе пьесы относятся к раннему периоду творчества драматурга, когда Островский, вероятно, еще экспериментировал с фамилиями, мог использовать так называемую искусственную фамилию, хотя это, безусловно, мотивировано происхождением персонажа, его судьбой. Показательно, что в его дальнейшем творчестве фамилии персонажей будут образованы только от русских слов. Характеры персонажей также будут иными. Например, наиболее близким к Неглигентову является *Буланов* («Лес»), но он учился в гимназии, латинских слов не произносит, его фамилия образована от русского слова, среди семинаристских фамилий она не была обнаружена. Фамилия *Маргаритов*, наоборот, семинаристская, но в характере и судьбе персонажа нет ничего указывающего на его семинаристское прошлое. Кроме того, в сознании русского человека фамилия соотносится скорее с именем Маргарита, цветком Маргаритка, но не с латинским словом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Тугарина Н.С.* Материалы для словаря русского народного языка в именовании персонажей пьес А.Н. Островского // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. IV. — Иваново, 2013.
- [2] Архивные материалы [Электронный ресурс]. — URL: <http://rosgenea.ru/serchcatal> (Дата обращения: 30 октября 2014 г.).
- [3] Исповедальные Книги, фонд 203, опись 747, дело 1735 (микрофильм часть 8). Церковь Николая в Воробино, 2 сентября 1857.

- [4] *Протоиерей Владислав Цыпин*. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700—2005 гг. Издательство Сретенского монастыря, 2008.
- [5] *Добролюбов Н.А.* Полн. собр. соч. в 9 т. — М.; Л. 1962. — Т. I, IV.
- [6] *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. — М., 1993.

LITERATURE

- [1] *Tugarina N.S.* Materialy dlja slovarja russkogo narodnogo jazyka v imenovanijah personazhej p'es A.N. Ostrovskogo // A.N. Ostrovskij. Materialy i issledovanija. Vyp. IV. — Ivanovo, 2013.
- [2] Arhivnye materialy [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://rosgenea.ru/serchcatal> (Data obrashhenija: 30 oktjabrja 2014 g.).
- [3] *Ispovedal'nye Knigi*, fond 203, opis' 747, delo 1735 (mikrofil'm chast' 8). Cerkov' Nikoly v Vorobino, 2 sentjabrja 1857.
- [4] *Protoierej Vladislav Cypin* Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Sinodal'nyj i novejšij periody. 1700—2005 gg. Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2008.
- [5] *Dobroljubov N.A.* Poln. sobr. soch. v 9 t. — М.; Л. 1962. — Т. I, IV.
- [6] *Nikonov V.A.* Slovar' russkih familij. — М., 1993.

CHARACTERS SURNAMES DERIVED FROM THE LATIN ROOTS IN THE A.N. OSTROVSKY'S PLAYS

I.N. Isakova

Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991, 1 Humanities Building

In Ostrovsky's plays only two characters carry the last names derived from Latin roots, both of them being those artificial surnames given to seminary graduates. One of them — *Benevolensky* — was widely spread, Ostrovsky knew one person named Benevolensky, Pyotr Mironovich apparently was the prototype for the character of *'The Poor Bride'*, they both graduated from the seminary, they were both officials in the court. The surname *Negligentov* was found only among pseudonyms. N.A. Dobrolyubov wrote one of his early articles under this name. There is no evidence that Ostrovsky knew something about this article as there is nothing in common between the article and the play. Dobrolyubov who had mentioned Negligentov in his critical articles twice apparently did not see this character as a parody of himself. These surnames are carried by the characters in the early Ostrovsky's plays (*'The Poor Bride'*, 1851, *'A Protégée of the Mistress'*, 1858), later on all family names were derived from the Russian words, mostly the dialectal ones.

Key words: surnames given to seminary graduates, A.N. Ostrovsky, prototype, charactonyms, using surname in the play.